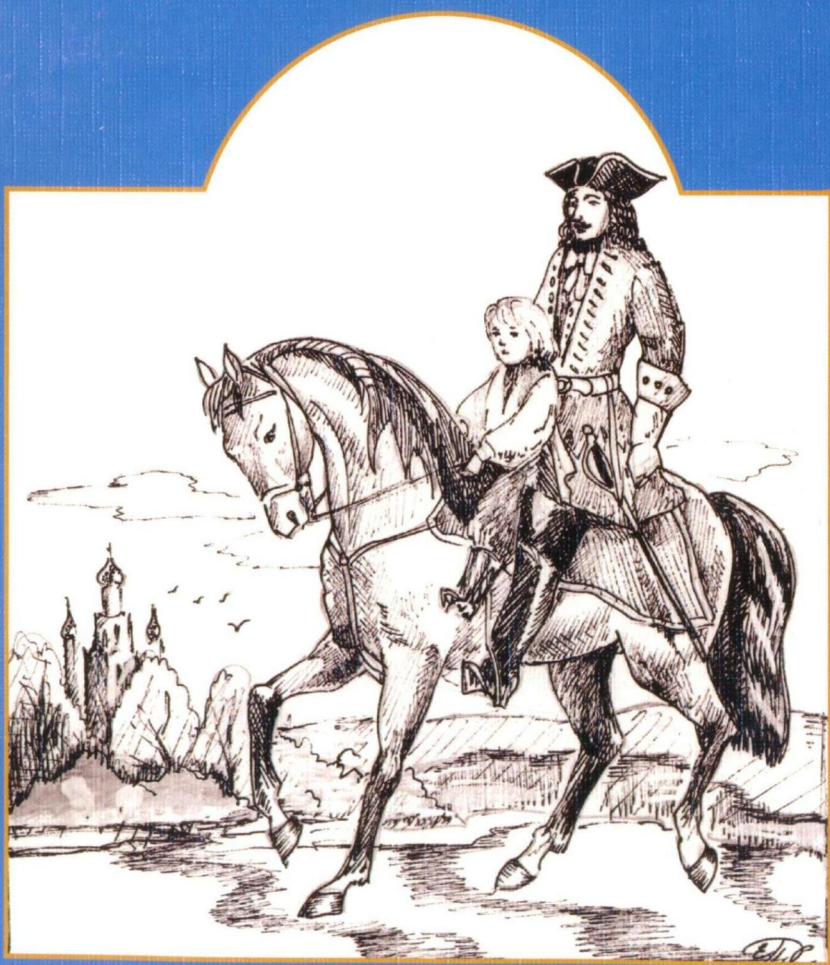

Op 84
X93
A-373071

Павел Хрипко

КАПИТАНСКИЙ СЫН

Павел Хрипко

Капитанский сын

Повесть

Челябинск
Государственное бюджетное
Пидоро
учреждение культуры
2018
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

а-343071

кр

0р84
x93

84(2-411.2)6-4
0р84
0р84.5
0р63.346
0р83.31

Биография автора

Павел Дмитриевич Хрипко родился 30 июня 1942 года, в южном Оренбуржье, Илекском районе, селе Яман. Окончил часовое училище и литературное отделение Курганского пединститута. Работал мастером на часовых заводах Углича и Златоуста, учителем в родном селе. С 1980 года живёт в городе Троицке Челябинской области, является руководителем старейшего на Урале литературного объединения «Степь». Автор сборников рассказов, повестей, очерков: «Записки часовщика», «Своими глазами», «Четверть века на сцене», «Капитанский сын». Дипломант Южно-Уральской литературной премии. Лауреат премии губернатора имени генерал-майора Ф. М. Старикова. Занимается поисками малоизвестных фактов из жизни баснописца И. А. Крылова. Публиковался в журналах: «Южный Урал», «Новый век», «Евразийское ожерелье» (Оренбург), «Вестник Российской литературы» (Москва — Магнитогорск) и других. Более тридцати лет является участником Троицкого народного казачьего Заслуженного хора Южного Урала.

Предисловие

Если бы Александр Сергеевич Пушкин не включил в свою «Историю Пугачёва» «Показания Крылова (поэта)», вряд ли было бы известно, что детские годы великого баснописца прошли на Южном Урале. Из устного рассказа Ивана Андреевича узнаём и о судьбе его отца, капитана А. П. Крылова, а поскольку метрические данные о месте и годе рождения сатирика утеряны, то исследовав жизненный путь капитана, его службу в Оренбургском драгунском полку, можем восстановить недостающие звенья и в биографии Ивана Андреевича Крылова.

Наряду с вымышленными персонажами повести «Капитанский сын», автором введены в содержание и действительные исторические личности, имена и фамилии сослуживцев отважного офицера, отца семьи Крыловых, события того времени, описание населённых пунктов и окрестностей Троицкой крепости, взятые из архивов и справочников.

Приняв во внимание слова А. С. Пушкина в предисловии к «Истории Пугачёва», что «Историческая страница, на которой встречаются имена Екатерины, Румянцова, <...> Суворова, <...> Михельсона <...> и Державина не должна быть затеряна для потомства», присовокупим к ним и имя героического капитана Андрея Прохоровича Крылова, отца и наставника великого русского баснописца.

П. Хрипко

Часть первая.

Троицкая крепость

1. В дозор

Уже четвёртый месяц прапорщик Андрей Крылов, прибывший из оренбургского гарнизона, проходил службу в Троицкой пограничной крепости. После степного губернского города с его пыльными «дождями», иссушающими киргизскими суховеями и надоедливой изнуряющей муштрой, Андрей дивился здесь высоченным травам, густым, пахнущим смолою, сосновым борам, обилию птиц, зверей и в меру строгой упорядоченной службе.

Оренбургский драгунский полк, растянутый на сотни вёрст, по всей Уйской линии, нёс охрану российской границы до самой дальней, Звериноголовской крепости и Крылову, после мучительной подготовки, предстояло впервые выйти в дальний порубежный дозор.

Когда на востоке заалело сиреневое в прожилках, похожее на мрамор, небо, из северных ворот Троицкой крепости вышел взвод драгун. Перейдя ещё не обмелевшую к осени, коням по брюхо, неторопливую речку Увельку, выскочили на крутой левый берег и машистой рысью поскакали на восход солнца. Затравившая конотопом, еле приметная сторожевая дорога тянулась вдоль прихотливо вертящегося русла реки Уй, плелась за своенравным Тоболом, бегущим на север, к Студёному океану и, словно одумавшись, уходила на восток, в сибирские дали.

Каждый год вешние разливы спрямляли главный водосток уйского русла, бурной лавой, как языком, вылизывали слежавшуюся няшу ила, вырывали молодую поросль

камыша, рогоза, подмывали корни кустарника, деревьев. Полая вода несла на себе и признаки человеческого присутствия: плетни, брёвна, копны сена, кучи навоза. Но скоро половодье утекало в норовистый Тобол, оставляя рыбу в обширных ильменах, круглоберёгих котлубанях, извилистых ериках и проранах. Жаркие азиатские суховеи быстро выпаривали стоялую зацвелею влагу, и река снова становилась тихой и безмятежной.

За Бобровским умётом кони перешли на шаг, дружно в такт, позвякивая удилами. Старший команды, ротмистр Наумов, приказал двум драгунам выдвинуться в авангард и следовать в полуверсте впереди взвода да глядеть в оба, в арьергард отрядил ещё двух служивых.

Густая цветущая трава скрывала всадников почти до плеч, а частые берёзовые колки, уже расцвеченные кое-где позолотой, служили хорошим укрытием. Места к востоку от крепости были малообжитые, дикие. По ту сторону задумчивой речки Уй простиралась земля Орды, неохватные степи кочевников Среднего Жуза. Степняки — народ непредсказуемый, порой не прочь пограбить редкие крестьянские селения, напасть на редуты, а то и в полон угнать. За русских пленников в Хиве, на рынке рабов, давали хорошую цену.

Для охраны порубежных селений и поставлены цепочкой, по-над левобережьем Уя и Тобола надёжные крепостцы с пушками, крепкими заплотами, высокими валами да рогатками. А меж крепостей ещё и линия сооружений поменьше, форпосты да редуты, а то и просто пикеты с вышкой да со смоляной куделей. Дозорные её поджигали, предупреждая об опасности, чёрный заметный шлейф дыма резко выделялся на фоне небесной синевы и тревожные сообщения поступали в крепость почти мгновенно.

С наступлением холодов степняки откочёвывали со своими стадами на юг, на тебенёвку, на подножный корм, сено-то не заготавливали и граница жила в затишье, а с наступлением тепла кочевники возвращались, и снова наступали тревожные дни, особенно в первые летние месяцы.

Драгуны ехали парами, впереди грузноватый ротмистр Наумов, насупленный и молчаливый, при нём новичок пограничной службы, прапорщик Крылов, круглолицый ко-

ренастый служивый с крепкими плечами и добродушным взглядом внимательных карих глаз. Ему шёл двадцать седьмой год. После двенадцати лет суровой солдатской службы, он, наконец-то, получил первый обер-офицерский чин, увеличенное жалованье и новое назначение. Здесь его всё радовало: и уважительное отношение бывалого командира, и послушное подчинение вышколенных драгун, и крепкий жеребец буланой масти. Особой робости Андрей не испытывал, в себе был уверен, пройдя строгую солдатскую муштру, он в совершенстве владел и штыком, и саблей, обучен был и рукопашному бою, довольно метко стрелял из любого оружия, да и за пять последних лет сержантской службы через его руки прошёл не один взвод рекрутов. Худощавый, жилистый, он считался образцовым служакой и в должности ротного писаря, и в копотной обязанности каптенармуса, отвечая за амуницию и продовольствие всего эскадрона. Командиры без особой боязни вваливали на него самые опасные поручения, зная, что за безродного служивого заступиться некому. Вот и теперь из губернского города, за семьсот вёрст, в самую глушь, отправили именно его.

2. Первая стычка

До Ключевского форпоста оставалось не более трёх вёрст, когда примчался дозорный с сообщением, что впереди виден сигнальный дым — знак тревоги, и, как бы в подтверждение известия, вдали бухнула пушка. Ротмистр сразу же подал команду и взвод, пустив коней вскачь, помчался к укреплению.

Вскоре внизу, за высоким крепким амбаром, земляным валом и деревянным заплотом открылся и форпост. Вокруг него, охватывая полукольцом, суетились конники в остроконечных малахаях. Их было довольно много, более полусотни, у одного в руках чадил факел. От него разбойники пытались зажечь ещё несколько головёшек, чтобы перебросить через стену, но это им пока не удавалось. Осаждённые отстреливались нечасто, беловатый пороховой дым, раз за разом вспархивал за валом редута и окутывал осаждавших. Ещё раз бухнула пушка, но большого

урона, видимо, не принесла, кочевники по-прежнему не оставляли попытки поджечь строения внутри форпоста, чтобы вызвать панику у его защитников.

Ротмистр сориентировался мгновенно: разделил отряд на две части, и охватом с двух сторон, драгуны бешеным аллюром помчались к укреплению. Разбойники заметили, что с горушки на них несутся две лавы всадников, но за плотным облаком белесой пыли трудно было определить число нападавших, именно на это опытный командир и рассчитывал. Опасаясь окружения, степняки быстро сгруппировались и, давя, и опережая друг друга, кинулись к броду, стремясь поскорее убраться на свою сторону.

Когда первая группа драгун, возглавляемая Крыловым, подскакала к речке, от разбойников осталось только тающее облако пыли, исчезающее за горизонтом.

Прапорщик помнил строгий приказ командира полка «без больших надобностей границу не переходить» и вернул разгорячённых драгун, устремившихся было в погоню.

Когда все конники подтянулись к форпосту и спешили, с тягучим скрипом растворились тяжёлые ворота, из них выскочила стайка измазанных сажей подростков, следом, не спеша вышли старые казаки, их было не более десятка. Один из них, припадая на правую ногу, подошёл к Наумову и, сняв прожжённую папаху, низко поклонился ротмистру:

— Благодарствуем вам, господин офицер, если бы вы вовремя не подскочили, пожгли бы нас эти шиши, как есть пожгли, никого бы в живых не оставили, разве кого бы на продажу увели.

— А где же ваши служивые? — сдвинув брови, спросил Наумов, — рыбалят, поди, на озёрах, али ползунику в бору собирают?

— В дугах они, ваше благородие, на покосе. Времечко-то золотое. И так инды трава перестаиват, всё дожди шли, а тут ведро выдалось, ну и решили покосить, трава-то прочахнет на солнышке. Оно, ить, как сено есть, то и скотине зимой веселее. Чуть свет ноне выехали и, поди ж ты, эти кайсаки на нашу голову свалились. А нас, защитничков, отставных инвалидов, всего ничего да десяток мальцов-

сидёнков. Ну, ничё, управились, постреляли маненько, даже из пушчонки их пуганули. Кабы они огнём не стали бросаться, мы бы и сами выдюжили. Ну и ребятёнки — молодцы, всё загасили, не дали огню заняться. А я говорил вассейка атаману, когда коней водил поить, кыргыза, мол, на том берегу видел по за камышами. Так ни в какую, не поверил, ишо и посмеялся — «эт тебе сослепу привиделось». А он и высмотрел, что казаки на покос собираются.

— И часто у вас такие нападения бывают? — спросил Крылов.

— Летось часто бывало, а ноне впервой. Да это шайка, сабарманы пробеглые, они и своих-то не прочь пограбить, а ханские теперь не лезут, говорят уговор с царицей подписали, но вряд ли долго выдержат. Их джунгары с юга теснят, житья им не дают, как бы и до нас не докатились.

Вскоре на взмыленных конях прискакали казаки с покоса во главе с атаманом. Виноватясь за свою оплошность, сердечно, со слезою в голосе, благодарили драгун, ротмистра, заторопились накрывать стол с угощением.

— Ни-ни, — запротестовал Наумов, — мы на службе, взятки не берём, только благодарности принимаем. Нам ещё скакать да скакать, Эти придурки пока по мордасам не получают, не угомонятся, они кого-нибудь ещё потревожат, надо поторопиться, упредить.

После короткого привала отряд драгун на рысях отправился дальше, по-над Уем, к Каракульской крепости.

3. Ротмистр Наумов

Крылов впервые был назначен в такой дальний поход, в неизвестную им сибирскую сторону и, хотя он считал себя опытным воякой, в былой службе, в Оренбурге, в степь выезжал редко, чаще всего состоял при гарнизоне, обучал солдат, в боевых действиях участвовать ему почти не приходилось и теперь пытался проверить себя, узнать на что способен.

— Ну, что, прапорщик, запасмурнел, жалеешь, что не догнал киргизцев? — спросил ротмистр, невольно угадывая его мысли. — Ничего, ещё навоюешься, обрыднет.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66